

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

23 ИЮЛ 1983

навечно в памяти

КАРТА
Т Е Л Е Г Р А М М А

Ранним утром 9 июля 1943 года два «козлика», как тогда называли машины с удивительной проходимостью, вышли из Пименовского переулка Москвы, в котором помещалась основная база Оперно-драматического театра имени К. С. Станиславского. Очередная фронтовая бригада отправлялась в действующую армию.

Промелькнули Подольск, Малоярославец, Медынь, Мятаево, Южнов... Нас было девять человек, выехали девятого, и, по склонности молодых людей верить в хорошее, считали это добрым предзнаменованием. А вечером того же дня в настоящем летнем клубе, с эстрадой, скамейками — видно, часть стояла здесь долго и обжилась — мы давали свой первый концерт.

Началась жизнь фронтовой бригады: два, три, четыре концерта в день, переезды, ночевки каждый раз на новом месте... Иногда, точно прибыв в установленную графиком часть, мы не заставали ее. «Все на задании», — сообщал дежурный. Однажды увидели своих предполагаемых зрителей спящими: спали они прямо на земле, липа, шинели, руки были испачканы глиной... И опять дежурный объяснял: «Были на задании, ночью поспать не пришлось... Но вы не уезжайте, — обидите...»

Делалось неловко оттого, что

мы-то успели и поесть, и выспаться...

Наступило 17 июля. Большая березовая роща просвечивается солнцем. На самой опушке эстрада, наспех сколоченная из тонких белых стволов, позади плащ-палатки на шести образуют комнату для переодевания. Зрители, одетые по-походному, лежат, сидят, стоят амфитеатром на косогоре перед сценой. Читаю очерки-раздумья Бориса Горбатова, напечатанные в газете «Правда» под общим заглавием «Пядь родной земли». Слушают внимательно, серьезно, даже сурово. Когда дохожу до слов: «Разве можно забыть Ростов, товарищ?!» — неожиданно из рядов в ответ несется: «Нет, сестренка, нельзя.. Не забыли!.. Мы ростовские!». «А мы Киева не забыли! Мы киевские!» — откликается голос с другого фланга. Мысли Бориса Горбатова нашли тех, кого искал автор, тех, чьи родные города, родные дома остались там, у фашистов. Последние слова «Ни пяди родной земли врагу!» покрывает шум невообразимый, но вот он, этот шум, принимает вполне определенную форму — воины скандируют: «Все вернем! Все вернем!..»

Выходим на последний поклон. Обычно нас благодарят от имени той части, перед которой выступаем, мы отвечаем

добрыми пожеланиями. И сейчас из последнего ряда все время стоявшей группы к эстраде беглым шагом направляется рослый капитан. Плащ-палатка на ходу развевается, автомат переброшен на грудь, каска... Вполне современное обличье, а мне он почему-то представляется древнерусским витязем, богатырем, вставшим на защиту Отчизны. Капитан с ходу прыгает на эстраду, но обращается он не к нам: «Ростовчане, полтавцы, киевляне!.. Поклянемся освободить родные города, войти в славный Киев еще до того, как листья осенью опадут с деревьев».

— Попрошаем, сестренка! — это уже мне.

Ночью у шалаша, в котором мы прилегли, послышались шаги, и негромкий голос сказал: «Товарищи артисты, вставайте, собирайте вещи, фонарики не включайте, спички не зажигайте. Вас приказано отправить в Москву».

...По шоссе одна за другой быстро двигались машины с красными флажками — с боеприпасами. Рассвет наступал невеселый, серый. Вдруг машины остановились, кто-то крикнул: «Ложись!» Над головами прошли ревущие немецкие бомбардировщики. Лежа в канаве, мы видели, как в воздух поднимались станционные постройки и вагоны, а потом цепой и

камнем летели вниз. Отвратительным было чувство полной беспомощности, — на наших глазах, на нашей земле разрушаются наши дома, а мы бессильны помешать. Еще вчера гордились тем, что делали общее дело со всем народом, с армией, а сегодня...

— Земля гудит! — сказал кто-то.

Стало ясно, что где-то близко началось огромное сражение. Нам посоветовали идти обратно на Московское шоссе. К вечеру на попутной машине мы добрались до Подольска. Уже в Москве мы узнали о великой Курской битве...

Поздней осенью 1943 года в Оперно-драматический театр пришла телеграмма, адресованная фронтовой бригаде. Текст ее был таким: «Поздравляем праздником Октября. Вошли в Киев шестого, листья на деревьях еще держались». Подписи не было. В студии было много бригад, актеры в них менялись, но смысла телеграммы лучше всех поняли те, кто выехал на фронт ранним утром 9 июля. Мы не спросили фамилии высокого капитана, похожего на витязя, он забыл наши имена, но клятву свою воины сдержали.

О. ВЕРБИНА,
заслуженный работник
культуры РСФСР.
МОСКВА.